

А

В. Г. Белинский

Сицкий (,) капитан фрегата. Сочинения князя Н. Мышицкого

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 -- февраль 1841.

Подготовка текста В. Э. Богграда.

М., "Художественная литература", 1976

[OCR Бычков М. Н.](#)

СИЦКИЙ (,) КАПИТАН ФРЕГАТА. Сочинение князя Н. Мышицкого. Санкт-Петербург. 1840. В тип. императорской Академии наук. Три части. В 12-ю д. В I-й части 326; во II-й -- 227; в III-й -- 327 стр.

Новое произведение литературной школы, основанной Марлинским -- не тем он будь помянут! Оно носит на себе все родовые признаки своего происхождения: его герои всё офицеры, да еще морские; место действия -- *фрегат*,¹ действующие лица ничего не делают, а только говорят, и в их пышных монологах слышатся слова, чуждые всякого значения и не совсем понятные, вследствие той растрепанности чувств, плодом которой они были...

Николай Алексеевич Сицкий, капитан фрегата "Смелый", ждет к себе в гости (на фрегат) графиню Леонтину (отчества и фамилии не помним); ожидая ее, он, от нечего делать, думал так, по уверению автора, сев на диван и *облокотись локтем* (а не коленом) на кормовое окно каюты:

"Море! -- море! тихо и светло смотришь ты! тихо и светло было до сей поры и в моей душе! Да! много я видел бурь на тебе: много раз обнаруживало ты себя во всем гневе и жестокости, встревоженное ветром; но я не понимал, я не мог предугадать, что ты так сходно с душою пылкой, встревоженной страстями, как ты -- *бурею!* Неужели мне придется испытать то, чему до сей поры я не хотел верить? Но ужли это какое-нибудь новое, доселе мне неведомое чувство?-- Я видел ее раз,-- вот уже год тому назад,-- вчерашняя была другая; почему же сегодня жду ее так нетерпеливо? Зачем она так смотрела на меня? для чего была так внимательна ко мне? -- К чему так обольстительно ласкова, даже до какой-то короткости? -- не понимаю!" (ч. 1, стр. 6--7).

Из этого монолога, слепленного из общих риторических мест плохих романов, явствует, что сей храбрый капитан уже с год влюблен в оную графиню Леонтину: зачем же так много слов? -- спрашиваете вы. Но ведь Сицкий это не говорил, а думал: думать же позволено всякому, сколько душе угодно.

Но вот капитану донесли, что катер с графинею приближается, -- и капитан опять за монолог, тоже мысленный, но уже короткий, за недостатком времени: "Ты едешь, едешь (,) непонятная для меня!.. Что это со мной?.. отчего это сердце так сильно бьется?.." Надобно вам сказать, что графиня готовится увидеться с Сицким всего-навсего в третий раз: по ее словам, он так ей понравился с первого (или, как пишет автор, с пер-ь-вого) раза, что, увидевшись с ним во второй раз, ровно через год, она тотчас приняла его приглашение на фрегат.

Когда графиня уехала, Сицкий, давший ей обещание непременно и во что бы то ни стало быть у ней завтра, опять *замонологил* (то есть залился перед самим собою риторическими фразами): это одно из лучших мест романа -- судите сами:

Сицкий остался посреди каюты, в раздумье о самом себе и о прошлом дне. "Что со мною делается, сам не знаю!" -- сказал он, намереваясь сесть в тот угол дивана, где сидела *виновница бури, происшедшей в душе, совершенно штилевавшей до встречи с нею* (хорошо!..) -- На диване лежала чья-то забытая перчатка; Сицкий взял и старался узнать, кому принадлежит она; вспомнив же (,) что при отъезде дам перчатки были надеты на руках Марии и Софьи, он уверился, что оставленная должна принадлежать графине. Обрадованный находкою, он, с невыразимою радостью, прижал ее к пылающему лицу! "Это твоя, твоя -- очаровательная Леонтина!.. -- говорил он; -- не нарочно ли ты оставила ее здесь, чтобы тверже я помнил данное тебе слово? О! во что бы то ни стало, я непременно сдержу его! -- Я буду, буду у тебя; буду тотчас, как только откроются двери твоего дома; я буду завтра первый твой гость!" Наконец ему вздумалось надеть перчатку на свою руку! -- *Можно ли* это? (автор хотел сказать -- *возможно ли?*) рука графини и его слишком не равны, чтобы перчатка могла быть впору ему. Примеривая и осматривая ее, он увидел внутри что-то написанное -- взглянул, и слово: *люблю*, ясно начертанное, было пред глазами его.